
Клод Дюран
Франция

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОСЛОВИЦ
В ЛИТЕРАТУРЕ, В ОСОБЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ,
В ЧАСТНОСТИ — В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА¹

*Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 406–426*

Совсем необязательно быть заслуженным паремиологом, как фольклорист Луис Мартинес Клейсер (Испания), Арчер Тейлор (США), Фридрих Зайлер (Германия), Григорий Пермяков (Россия), Альгирдас Жюльен Греймас (Франция²), позиционировать себя специалистом по греческой *paroichia* или латинскому *proverbium*, как итальянец Ренцо Този, испанскому *refrán* или немецкому *Spruchwort*, не надо апеллировать к ветхозаветной Книге Притчей Соломоновых, чтобы признать универсальный характер употребления пословицы во всех странах и во все времена. Какое бы определение ей ни давали («максимальная языковая единица, функционирующая в то же время как минимальная поэтическая единица», по Роману Якобсону³; «цитирование анонимного речения в речи, выделяемое специальными интонационными средствами», по Греймасу⁴; «краткие изречения, покоящиеся на очевидной истине и имеющие хождение в народе, поскольку они представляют собою общепризнанное замечание, наблюдение или нравоучение», по У. Милету, и др.), пословица используется во всех литературных жанрах любого языка.

В качестве первого примера приведём несколько пословиц из Шекспира, ведь, листая его пьесы, мы обнаружим их десятками в каждой:

«Словами не платят по счетам» («Троил и Крессида»)⁵;

«В странных словах странные лекарства» («Много шума из ничего»);

«Люби весь мир, но верь не многим» («Всё хорошо, что хорошо кончается»);

«Вору за каждым кустом мерещится стражник» («Генрих IV»);

«Молодая кровь не повинуется старым указам» («Бесплодные усилия любви»);

«Короткому лету предшествует ранняя весна» («Ричард III»);

«Таков наш век: слепых ведут безумцы» («Король Лир»);

«Слова без мысли к небу не дойдут» («Гамлет»);

«Кто любит, чтобы ему льстили, — стоит лъстеца» («Жизнь Тимона Афинского») и т.д. и т.д.

Изобилуют пословицами и пьесы Мольера. Их употребление в речи персонажей, более активное или менее, составляет часть того, что в своё время Солженицын назовёт «языковым запасом» героев⁶:

«Знает кошка, чьё мясо съела» («Скупой, или Школа лжи»);
«На свете нет лекарств противу клеветы» («Тартюф»);
«И тот, кто любит всех, тот никого не любит» («Мизантроп»);
«И рогоносец всё ж приятней, чем мертвец» («Сганарель»);
«Надо действовать, а не говорить» («Дон Жуан»);
«Знает, как в душу влезть» («Мещанин во дворянстве»);
«Молчащего глупца смешают наконец
С безмолвным мудрецом («Любовная досада») и пр.

Относительно Лафонтена, современника Мольера, можно сказать, что его басни являются «развёрнутыми пословицами». Множество его «моралей» вошло в разговорный язык, но многие, наоборот, и прежде существовали в народной речи, откуда их почерпнул баснописец. Поистине Средневековье — золотой век пословицы во Франции. К его исходу «проклятый поэт»⁷ Франсуа Вийон посвятит пословице целую поэму: впад в немилость у Шарля Орлеанского, но стремясь вновь завоевать его расположение, он отправил герцогу два стихотворения. Одно из них — «Баллада пословиц». Этот шедевр стихотворного искусства заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью:

Быть кувшину разбитым у колодца,
К козе блохастой не приходит сон,
Железо раскалённое куётся,
Дубина та, коль ей вооружён.
Не встать, когда презрением сражён,
Пока в чести, для всякого хорош,
Лишь с глаз долой, из сердца тоже вон,
Но Рождество наступит, если ждёшь.

Сан проще доброй славы достаётся,
Откроешь рот, галдёж со всех сторон,
Нет ничего дороже, что даётся
С трудом, но, если чем-то испокон,
Как манною небесной, наделён,
Подобный дар не ставишь ты ни в грош,
Поклявшись, отпираются вдогон,
Но Рождество наступит, если ждёшь.

Пёс сыт, пока любимым остаётся,
Тем слаще, чем привычной звук канцон,
Не съеден плод — он гнили достаётся,
Форт не сдаётся — лезут на рожон.
Поспешностью несчастье навлечёшь,

Целуй красотку, если взял в полон,
И Рождество наступит, если ждёшь.

Над кем глумятся, тот уж не смеётся,
Кто платит подать, тот и разорён,
Кто жертвует — с рубашкой расстаётся,
Ссудил на грош, потребует мильон.
Кто слово дал, держись: оно — закон,
Кто ходит в церковь, тот и к Богу вхож,
Подует ветер — меркнет небосклон,
Но Рождество наступит, если ждёшь.

Принц, дурня видно, как ни облачён,
Каким ты в мир пришёл, таким уйдёшь,
Умнеет только тот, кто побеждён,
И Рождество наступит, если ждёшь⁸.

Из эпохи Ренессанса можно было бы привести в качестве примера не менее примечательный сборник «Опытов» Монтеня и конечно, Рабле и Сервантеса (Санчо Панса — воплощение и голос народного здравомыслия в своей ограниченной и забитой обыденности). Но уже у Мольера Филиаминта в «Учёных женщинах» жалуется:

Чтоб подвергала слух я пытке то и дело,
Чтоб сокрушал закон и логику поток
Ошибок варварских, коверкающих слог,
Слов искалеченных и — что для слуха хуже —
Пословиц, найденных в базарной грязной луже?⁹

Не являются ли эти слова предвосхищением дискредитации, которая постигнет этот жанр в век Просвещения, когда его народное дыхание всё более и более будет признаваться безвкусицей? Несмотря на его живучесть (Флориан и его басни), всё чаще начинают отличать поговорки и устные выражения низкого происхождения от сентенции, наставления или максимы («острота философа», по Вовенаргу; «речение образованных людей», по Монтескье) жанров высоких, где царят Ларошфуко, Шамфор и Ривароль.

Однако наряду с такими изменениями, отражающими, несомненно, и социальные процессы, этот жанр в своём прежнем качестве продолжает потихоньку развиваться по иному пути: становится модной и имеет большой успех игра, которая состоит в отгадывании пословиц, представляемых в узком кругу зрителей сайнетами¹⁰. Луи де Кармонтель из них составит двадцать томов. Авторы малых форм находят успех в том, что позже назовут «лёгким

жанром». Как, например, Софи Сегур («Мух лучше ловить на мёд, а не на уксус») или Теодор Мишель Леклерк («Кто один раз выпил, будет пить снова»). В следующем веке на смену им придут романтики. В первую очередь назовём Альфреда де Мюссе с его комедиями-пословицами: «Невозможно думать обо всём», «С любовью не шутят», «Нужно, чтобы дверь была либо открыта, либо закрыта», «Не зарекайся...».

Среди романистов сам Бальзак испещрял страницы своих записных книжек пословицами, которые он, по-разному изменяя, использовал в своих текстах, сохраняя форму, но вкладывая в них другой смысл. Таким образом, на место очевидной общепризнанной истины, выраженной в канонической форме пословицы, становилась «частная» правда персонажа или ситуации, то есть истина «относительная» (приём, который активно использует современная пресса, злоупотребляя им в названиях своих статей, по преимуществу в юмористическом ключе¹¹).

Оставим в стороне наставления и предписания, которыми насыщен «Домострой», русский свод правил XVI века, составленный, по мнению некоторых исследователей, протопопом Сильвестром для своего ученика и господина — молодого царя Ивана IV. Составителя можно назвать русским Конфуцием, поскольку он разработал кодекс морально-религиозных правил, включивших все аспекты как семейной, так и общественной жизни. Чтобы оценить фонд пословиц, которым располагает Россия (возможно, самый богатый в мире), достаточно познакомиться с их первыми сборниками (один — составленный Николаем Кургановым (1796), второй — включивший 4291 древнюю пословицу, которые собрал грамматист Антон Барсов (1770)); работами лексикографов XIX века, таких, как Иван Снегирёв или Фёдор Буслаев, изданием Пушкинского Дома «Русский фольклор и литература»; работой американца Кевина Маккейна «Пословицы в русской литературе». Даль зафиксировал тридцать тысяч пословиц (не считая тех, которые из соображений благопристойности были изъяты из публикации в наше время), часто не имеющих никаких аналогов в других языках по простоте, благозвучию, запоминаемости. Например:

- «Нищему гордость, что корове седло»;
- «Утро вечера мудренее»;
- «Снявши голову, по волосам не плачут»;
- «Хвалят на девке шёлк, когда в самой девке есть толк»;
- «Белые ручки чужие труды любят»;
- «Острый топор и дуб рубит»;
- «До царя далеко, до Бога высоко»;
- «Велика святорусская земля, а правде нигде нет места».

Как и другие литературы, и даже больше, чем они, русская литература не отказывает себе в черпании из этих залежей неслыханных богатств. Международный журнал по паремииологии «Proverbium» часто возвращается

к этой теме исследований. Приведём лишь один пример: Римма Байкова показала, какую существенную роль играют пословицы в романе «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» Михаила Чулкова (1743–1793), где двусмысленность и аморальность подобранных поговорок отражают распутство в жизни¹². Заметим (мы вернёмся ниже к этому аспекту), что главная героиня *ipso facto* прекращает говорить пословицами во второй части романа, по мере того как она поднимается по социальной лестнице и рвёт со своим происхождением¹³.

Немке Екатерине II приходится с трудом подчинять себе русскую грамматику, но при этом она ценит и умело, с непринуждённостью использует устные выражения и обороты народной речи как средство расположения к себе, иностранке, подданных. С этой же целью она берётся за выпуск журнала «Всякая всячина».

В ряду великих русских писателей XIX века Гоголь ставит эпитафией к «Ревизору» знаменитую пословицу, со всей полнотой раскрывающую замысел, который движет автором: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива», а Тургенев называет одну из своих пьес «Где тонко, там и рвётся», да и всё его творчество расцвечено подобными речевыми оборотами, о чём свидетельствует следующий краткий список:

«О чём бы ни молился человек — он молится о чуде»;

«Как волка ни корми, он всё в лес глядит»¹⁴;

«Порицать, бранить имеет право только тот, кто любит»;

«Нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости» и пр.

Если в «Записках охотника» того же Тургенева образную народную речь символизируют Хорь и Калиныч, у Толстого эта роль отдана по преимуществу Платону Каратаеву. Не забудем также, что автор «Войны и мира» чуть не назвал свой шедевр «Всё хорошо, что хорошо кончается», а некоторые его рассказы 1880-х годов озаглавлены пословицами: «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Вражье лепко, а Божье крепко», «Упустишь огонь — не потушишь» и др. «Власть тьмы» имеет в подзаголовке выразительнейшее высказывание: «Коготок увяз, всей птичке пропасть» (сам текст пьесы содержит порядка 60 пословиц). В 1887 году Толстой готовит альманах, собирая народные поговорки, которые он ставит в параллель с евангельскими пассажами. Добавим ещё, что «Анна Каренина» содержит множество библейских выражений («Не судите, да не судимы будете», «Кто из вас без греха, пусть первый бросит камень» и т.д.), но заметим, что в данном случае не в крестьянской среде, а в высшем обществе, среди аристократии, звучат такие proverbialные выражения религиозного характера.

Американский профессор Джон Коган¹⁵ изучил, под интересующим нас углом зрения, некоторые пословицы, фигурирующие в «Августе Четырнадцатого», первом Узле «Красного Колеса» Александра Солженицына. В весьма примечательной рецензии на эту работу¹⁶ Стефан Вьейар обоснованно напоминает

об отрывке из книги «Бодался телёнок с дубом» (само название подобно названию басни!), в котором речь идёт о том, как после прорыва «Одного дня Ивана Денисовича», совершившегося при Хрущёве, главный редактор «Нового мира» Твардовский (чей персонаж Василий Тёркин, крестьянин сметливый и недерзкий, и сам является «носителем пословиц», наиболее выразительных в современной русской литературе) тянет и не даёт определённого ответа и, чувствуя, что ветер со стороны Старой площади переменился, отклоняет публикацию «Свечи на ветру» (слишком «западная»), затем «Правой кисти» («невозможна для публикации»). Писатель, будучи уже под тенью опалы и полного запрета, находит утешение в следующем:

«Очень утешало меня в эти месяцы ежедневное чтение русских пословиц, как молитвенника. Сперва:

- Печаль не уморит, а с ног собьёт.
- Этой беды не заспишь.
- Судьба придёт — по рукам свяжет.
- Пора — что гора: скатишься, так оглянешься.

(Это — об ошибках моих, когда я был взнесён — и зевал, смиренничал, терял возможности...) Потом:

- От беды не в петлю головой.
- Мы с печалью, а Бог с милостью.
- Всё минется, одна правда останется!

Последняя утешала особенно, только неясно было: а как же мне этой правде помочь? Ведь

- Кручиной моря не переедешь.

И такая с прямым намёком:

- Один со страху помер, а другой ожил.

И ещё загадочная:

- Пришла беда — не брезгуй и ею.

Получалось, что надо мне “от страха ожить”».

И ниже: «Отвага — половина спасения! — нашёптывала мне книжечка пословиц»¹⁷.

Стефан Вьейар отмечает, что Коган исследовал будто бы девять пословиц. Это число вызывает недоумение: первая редакция «Августа Четырнадцатого» содержала их семь, а полная редакция, переведённая и в США, — одиннадцать¹⁸.

Относительно пословицы, которая заключает этот первый Узел «Колеса», — «Не нами неправда сталась, не нами и кончится», — Коган говорит, что она стала результатом переработки писателем какого-то другого, существовавшего прежде речения. Вьейар подчёркивает, что мнение Когана ошибочно, ведь эта пословица именно в таком виде присутствует в сборнике Даля. Так же обстоит дело и с третьей пословицей (глава 32): «Не рок головы ищет — сама голова на рок идет»; хотя её и нет у Даля, существование пословицы засвидетельствовано уже в XVII веке.

Наконец, Коган стремится противопоставить Толстого, который интегрирует поговорки в повествование, автору «Красного Колеса», использующему свои — как знаки препинания или контрапункт в конце некоторых глав и как один из элементов своей стереографии (наряду с главами-экранами, народными припевами, лозунгами или официальными гимнами и т.д.). Но это, очевидно, слишком поверхностный вывод, поскольку Солженицын, хотя и употребляет активно этот приём, ничуть не отказывает себе в то же время прибегать к поговоркам и поговоркам в самом течении повествования, в особенности для культурной, социальной и психологической характеристики некоторых своих персонажей. Как писатель использовал их и прежде, когда создавал образы Шухова («Один день Ивана Денисовича»), Матрёны («Матрёнин двор») и Спиридона («В круге первом»).

Из первого вспомним навскидку следующую цепочку поговорок:

«Волкодав прав, а людоед нет»;

«Прямую дорогу людям загородили, но люди не теряются: в обход идут и тем живы»;

«За что не доплатишь, того не доносишь»;

«Битой собаке только плеть покажи»;

«В январе солнышко коровке бок согрело» и пр.

Добавим к ним и краткую характеристику поэтики, точно и ясно отражающую индивидуальный подход автора (у Лескова, например, он выражен вычурно, замысловато): «Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного!»

В «Матрёнинном дворе» деревенская женщина «не говорила, а напевала умильно, и слова её были те самые, за которыми потянула меня тоска из Азии». «Пей, пей с душой желадной», — говорит Матрёна Игнатичу, встречая его. Когда он вознаграждает её: «Спасибо!», она ему отвечает: «На чём? На своём на добром?» Все эти реплики источают интонации поговорок и, разумеется, деревенский слог героини: «Которые кони овсяные, те и тяжели не признают»; «Государство — оно минутное. Сегодня, вишь, дало, а завтра отымет» и т.д. Её реплики часто выражают и народные суеверия: «На Ивана Постного в огород зайти нельзя — на будущий год урожая не будет»; «Если мятель крутит — значит, кто-то где-то удавился»; «Дверью ногу прищемишь — быть гостю»; «Умная выходит после Покрова, а дура — после Петрова». О внезапной смерти Матрёны на железнодорожном переезде старуха бесстрастно скажет: «<...> как родился — не помню, как умру — не знаю», а рассказчик закончит: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по поговорке, не стоит село» (ср.: Притч. 11: 11).

В «Круге первом» читаем: «Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли “хождением в народ” и поисками той самой великой сермяжной правды, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский,

Лев Толстой...» Этого почти слепого дворника с марфинской шарашки, героя романа, Солженицын разыщет позже. Материалы архива писателя, экспонированные трудами Наталии Дмитриевны Солженицыной и Жоржа Нива в Музее Мартина Бодмера в Швейцарии в течение полугода 2011-го, включают письма, свидетельствующие об этом драгоценном и волнующем общении. В романе Нержин-Солженицын говорит о Спиридоне, что его уши были глухи к понятиям родины, веры, социализма, что его религия вмещает две вещи: его землю и его семью. На шарашке, из осторожности, он привык объясняться пословицами, часто довольно двусмысленными, чтобы их можно было истолковать и так и эдак, на случай, если стукач подслушает и донесёт о содержании его разговора. Нержин берёт у Спиридона уроки трезвости ума, которые столь необходимы для выживания: «Сеем рожь, а вырастает лебеда»; «Кто хозяин хорош — по двору пройди, рубль найдёшь»; «Озеро в рот сулят, а из поганой лужи локнуть ещё дадут ли?..»; «Обо всё обжечься надо — самому»; «Лошадь чужая, кнут не свой, погоняй не стой!».

Чтобы убедиться в том, что пословица не служит исключительно для обозначения конца некоторых глав в «Красном Колесе», но и проникает в само повествование, достаточно следовать пунктирным линиям персонажей простого происхождения, начиная с Арсения Благодарёва («широнос, губы разведя, нижнюю отвеса»). Уроженец Тамбовской губернии, неожиданно определённый полковником Воротынцевым в ординарцы, в устной речи отдаёт предпочтение поговоркам и в диалогах вовлекает иногда в игру ими и своего начальника. Например:

- «Смелый человек умирает один раз, а робкий — каждую минуту»;
- «Богу молись, а к берегу гребись!»;
- «Верно говорят: на час ума не станет — навек дураком прослывёшь»;
- «Сказано — солдатка, ни вдова, ни мужняя жена»;
- «Дурные вести не ждут на месте» и пр.

Внимательный читатель найдёт множество других примеров подобных выражений в ткани повествования или диалогах, когда они касаются хода и речи крестьянской жизни (ими расцвечены фрагменты дневников Фёдора Ковынёва в главе 15 «Октября Шестнадцатого»). Но пословицы встречаются и в городской речи, когда безудержная суматоха действия, утихая, даёт передышку для размышления или разговора: как эта красивая поговорка в главе 25 того же Узла: «Молодому крепиться — вперёд пригодится», или же ещё одна — в устах вождя рабочих Шляпникова: «Твоя выдержка — твоя свобода, твоя свобода — твоя работа».

Кроме того, Жорж Нива в своих трудах, посвящённых Солженицыну, неоднократно писал о стереографической конструкции «Красного Колеса», о роли, которую в ней играют монтажные перебивки и коллажи в стиле техники Дос Пассоса, используемые писателем для выдержек из русских или западных газет, цитирования дебатов в Думе и лозунгов, стоп-кадры уличных сцен,

кинетика «экранных» глав, обнаруживающая его знакомство с работой сценариста¹⁹, панорамные главы и т.д. Пословицы входят в целую систему цитат (как и строки песен, лозунги, стихи и т.д.), предназначенных для окончания главы в определённой тональности, окрашенной юмором или духом полемики, самоиронией или даже неким злорадством, когда отражается фатальность, неизбежность русской судьбы. Нива также ясно показывает, насколько ритмика пословиц, отпечатавшаяся в уме писателя, который сделал из их чтения для себя нечто вроде «Часослова», сформировала саму его манеру письма. Например, в «Дороженьке» находим и частые построения в форме дистиха, и симметричный каркас высказывания, игру хиазмов, аллитераций и ассонансов, синкопированную фразировку в стиле Маяковского или предельную сжатость Цветаевой («одна из отличительных черт [пословицы], по Греймасу, — архаизирующая форма, воссоздающая время её возникновения»²⁰). Во всё ещё употребляющихся пословицах содержатся глубокие корни их происхождения: широчайшее поле для исследований по этимопаремииологии!

В беседе с французскими переводчиками своих произведений 11 апреля 1975 года в Париже Солженицын ясно изложил цели и принципы, определившие отличительные черты его писательского стиля²¹:

1. Восстановление богатства русского языка путём расширения его словарного поля, но не искусственным использованием редких слов, очень далёких от живой речи, а тех, что находятся на границе использования, отличающихся иногда лишь необычными сочетаниями корня и многочисленных приставок.

2. Освобождение синтаксиса от жёстких рамок при построении фразы через игру столкновениями слов, через возрождение замятинского «эллиптического синтаксиса».

Совершенно очевидно, что в особенности второй принцип замечательно иллюстрируется синтаксическими конструкциями пословиц (частым использованием паратаксиса: предложения ни сложноподчинённые, ни сложносочинённые). Также писатель советует своим переводчикам:

«Если у меня фраза рифмуется, не надо эту рифму копировать, старайтесь создать свою собственную, подберите схожую поговорку в своём родном языке. Если эти поиски окажутся трудными и вы не сможете найти соответствующее высказывание, лучше, опустив рифму, придумать сочное народное выражение. Нужно, чтобы чувствовалась народная крепость, выражающая более или менее ту же идею»²².

Солженицын добавляет и следующее замечание относительно переводческого труда вообще:

«Профессиональный уровень переводчика, по-моему, выражается не столько в его понимании и переводе каждого русского слова — обязательно будут ошибки, — сколько в его способе передать суть высказывания в его собственном языке. Если ему удалось сделать это в духе оригинала и на настоящем французском или английском языке, это хороший переводчик»²³.

Критикуя дурной английский перевод «Одного дня Ивана Денисовича»²⁴, писатель отмечает:

«Переводчик попросту сгладил весь рельеф; всё, что у меня выше или ниже, он уравнил и приплюснул, используя журналистский язык... Необходимо передать все выражения, которые имеют цвет, вес, вертикаль или инверсию... Опасно срезать или ослабить высказывание, это незаметно, но неизбежно приведёт вас к бледному, бессильному языку, не имеющему никакого отношения к языку автора».

Наконец, он ясно объясняет присутствие пословиц в конце некоторых глав «Колеса»:

«Пословицы, которые появляются время от времени в конце глав, это как если бы я вёл свой рассказ в присутствии простого мужика, житейского мудреца. Он сидит, слушает молча и время от времени в конце главы не сдерживает своего суждения, своей собственной оценки вещей»²⁵.

Чтение «Дневника Р-17» (ведомого писателем в течение работы над «Красным Колесом») подтверждает это замечание²⁶:

14 января 1969 года Солженицын подводит итог записям за 1958–1963 годы о главных принципах построения произведения. Он уже предусматривает в конце некоторых глав «резюмирующую пословицу в рамке. Это: 1) яркий удар и разъяснение; 2) действительное использование застоявшегося богатства пословиц; 3) народная точка зрения».

9 апреля 1970-го он определяет число пословиц, семь или восемь, которые будут фигурировать в первом Узле, и объясняет: «Это ещё не столько, чтобы стать навязчивым, но уже столько, чтоб объяснить мысль их введения: народный комментарий к былине [так называет он в то время роман, по предложению Д.С. Лихачёва, — аллюзия на «Слово о полку Игореве»], того мудрого мужика комментарий, который эту былинку слушает».

Чтение «Дневника Р-17», ещё не изданного на Западе, свидетельствует о пропитке писателя духом русских пословиц. Два примера: 9 апреля 1971 года, томимый мыслью не увидеть конца своего громадного произведения, но при этом с твёрдым намерением ничего не делать наспех, он призывает самого себя: «Не спеши начать, спеши кончить», прибавляя: «<...> из любимых моих пословиц, жизненных руководств, особенно к писанию каждой новой вещи». 29 августа 1972 года, озабоченный тем, что не уделит достаточного места персонажу Столыпина, он успокаивает себя: «Будет по пословице и по Гоголю: архиерей взошёл — место в церкви нашлось».

Женевьев Жоаннэ, которая вместе со своим мужем Жозэ Жоаннэ при участии Анн Кольдефи за тридцать лет перевела почти весь корпус «Красного Колеса», объясняет свой подход к работе над переводом пословиц:

«Нашей большой и первой заботой стала верность их духу: что в каждом случае говорит пословица, в каком тоне она звучит и какой свет она отбрасывает на рассматриваемую главу? Забота о форме — дело второе. Мне кажется, нам ни разу не удалось найти среди существующих французских пословиц

такую, которую мы сочли бы для перевода удовлетворительной. Почти всегда нам приходится изобретать, переводить, стараясь нащупать ритм, рифму... Сборники пословиц французских или иностранных нам мало помогли: никогда это не подходило вполне»²⁷.

Женевьев Жоаннэ ставит здесь существенные вопросы: что же выражает пословица? какова её тональность, как её воспринимает ухо? какое освещение она придаёт контексту, который она заключает или разделяет паузами? в чём и почему трудно найти эквиваленты среди пословиц русских и других стран, в частности французских?

Семь десятков пословиц в тексте «Красного Колеса», не принимая во внимание полисемию и коннотации, которые могут придавать их содержанию и тональности разные значения, можно, сильно упрощая, распределить по четырём группам.

Критика вышестоящих: 1, 13, 14, 18, 24, 27, 36, 38, 42, 50, 53, 64, 70²⁸.

Покорность судьбе, смирение, фатализм: 2, 3, 6, 8, 10–12, 19, 21, 25, 26, 30, 47, 51, 52, 54–56, 60, 62, 69, 71.

Самокритика, самоирония: 4, 28, 31, 33–35, 37, 39, 40, 43, 45, 48, 49, 57, 58, 63, 65, 67, 68, 72, 74.

Наблюдения и правила жизни: 5, 7, 9, 15–17, 20, 22, 23, 29, 32, 41, 44, 45, 49, 61, 66, 73.

Сразу же заметим, что все эти темы ясно отражают деревенский дух, и весьма знаменательно, что (опуская некоторые отдельные случаи появления пословиц в тексте) они отсутствуют на значительных пространствах повествования: в городских сценах, когда речь идёт о высшем обществе, об интеллигенции, о думской среде, и особенно в тех частях текста, где действие (военное, и в особенности революционное), разворачивающееся полным ходом, вдруг начинает трещать очередями коротеньких глав, число которых внезапно резко увеличивается²⁹. Так, в Книге первой «Марта Семнадцатого» первые 350 страниц (главы 1–66) не содержат ни одной пословицы; начало Книги второй (главы 171–237) имеет только одну, завершающую главу 237; то же самое касается начала Книги третьей (главы 354–407), её окончания (главы 509–534) и Книги четвёртой, с главы 639 и до конца.

Эти ли темы и их обилие придают пословицам универсальное значение или, по крайней мере, всеобщее звучание? Если хорошо известная формулировка, согласно которой «пословица — это разум одного и мудрость всех», точна, можно ли говорить здесь — и вообще — о «мудрости наций»? Ведь трудности перевода нам уже дали понять, что их «конвертируемость» не так уж очевидна.

В весьма примечательной статье, появившейся в 1970 году³⁰, французский исследователь Жорж Сигаль приступает к сравнительному изучению русских и французских пословиц и через него выявляет их соотносённость с совершенно различной коллективной психологией, которая, согласно Сигалю, и

определяет отсутствие удовлетворительных эквивалентов между теми и другими. По его мнению, большое место в объяснении этих различий занимает география: во Франции, как ёж взъерошенной иглами естественных преград, пословицы передают «дух колокольни» (то есть дух отдельной деревни), местных интересов, конкретного места, оседлого образа жизни («Камень, который катится, не обрастает мхом»; «Тот, кто идёт на охоту, теряет своё место» и т.д.), тогда как над Россией реет зов огромных пространств, располагающих к взаимопроникновениям и перемещениям («Под лежащий камень вода не течёт»; «Лучше хромать, чем сиднем сидеть»). Следующая таблица отражает этот сравнительный анализ (разумеется, всегда можно найти контрпримеры, здесь приводится лишь обобщение):

<i>Преобладающие русские темы</i>	<i>Преобладающие французские темы</i>
гостеприимство	подозрительность к чужаку
щедрость	экономия, скарденность
отвага, бесшабашность	осторожность, благоразумие
смирение, покорность судьбе	оспаривание, несогласие, ропот
непременная иерархия	индивидуализм, неповиновение, анархия
терпение и неторопливость	нетерпеливость и спешка
забвение обид	злопамятность
склонность к чрезмерности	чувство меры
традиционализм, обрядовость	склонность к нарушениям, кощунству
огромные пространства, лес, ...	дух домоводства, тоска по степь . . . . .
	«своей деревеньке» (Жоашен дю Белле)

Сигаль уместно завершает свои параллели сравнением басен «Ворон и лисица» Лафонтена и «Ворона и Лисица» Крылова:

«Скептик-француз всё ещё считает непреложным правило: “Ошибки не считаются”, можно исправиться; урок прошлого служит нам для будущего. Очень характерны слова его [Лафонтена] Лисицы:

Вот урок вам, а урок стоит сыра.

А вот и осознание ворона:

И поклялся смущённый ворон (но поздно!),
Что другого ему урока не понадобится.

Русский, вместо того чтобы завершить басню этими поучительными строками, с самого начала предъявляет нам своё беспристрастное видение мира, прагматическое, реалистичное и трезвое:

Уж сколько раз твердили миру,
 Что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
 И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Так забавный случай служит нам иллюстрацией тем более убедительной, что изображённые Крыловым конкретные привычные детали составляют картинку более живую и правдоподобную, чем намного более прямолинейное и статичное полотно Лафонтена.

Но вернёмся к морали! Эта манера трезвой и реалистичной констатации того, что, несмотря на предупреждения, простофили становятся добычей разбойников, не является ли проявлением покорности судьбе, смиренного принятия неизбежного, которое находим в пословицах: “Кто пил, тот и будет пить”; “Горбатого могила исправит”; “Голым родился, гол и умру” и т.д.? Глупая ворона будет обманута всегда.

Если же, помимо этой психологически-культурной непроницаемости, мы возьмем ещё один аспект, который лингвopsихолог Борис Лобачёв называет, следуя одной из теорий Гумбольдта, «иными словами», выявится ещё одна причина бессилия попыток переводчиков. Что говорит Лобачёв? «Провозглашённый идеал языка противоречит его природе, поскольку значительная часть глубины общения посредством вербальной коммуникации остаётся невыразимой». Эта часть, задаваемая идиомами и идиосинкразией собеседников, совсем не то, что подразумевается под «намёками», но это область размытого, растворённого, ускользающего, «пыли в глаза», притворного, неискреннего. Она с большим успехом выразима в языках, кажущихся более развитыми, а лучше — в менее спонтанных, более обработанных. Таков французский, чьи носители — какова бы ни была неуловимость или изысканность их стиля — считают, что прямое, почти что примитивное, грубое высказывание парадоксальным образом является весьма приблизительным, не достигает того, что обозначает изумительная русская дифиниция: “Не в бровь, а в глаз”»³¹.

Один из весомых доводов этого различия в «прямоте высказывания» — подверженность внешнему влиянию или же чистота двух языков. Причиной частого использования вычурных форм во французском в качестве эквивалента того, что музыканты называют долгим форшлагом, является, без сомнения, крайняя неодинаковость лексических средств того и другого языка: лексический дефицит французского языка по сравнению с русским составляет порядка 25 тысяч слов; а палитра разговорного русского (15 тысяч) вдвое превосходит разговорный французский.

Намеченное здесь исследование, относящееся к жизненной силе, постоянству или устареванию пословиц в национальных культурах и, соответственно, литературах, в конечном счёте сводится к размышлению об их связи с национальной самобытностью, с одной стороны, и их ролью общественных

маркеров — с другой. Заключение эти рассуждения нестройным хором четырёх блестящих умов.

Для учёнейшего лексикографа Алана Рэ, главного редактора словарей «Robert», популярность пословиц сосуществует наравне с модой ретро, является её частью для дачных посёлков и деревенских рынков. «К ней [пословице] относятся как к старинному зеркалу. Она благоухает сухой лавандой деревенских шкафов; вместе с выцветшими платьями, кружевами и фарфоровыми куклами её извлекают из дорожных корзин на бабушкином чердаке. В своём устаревшем платье эта старая добрая пословица, какой бы ни был у неё вид — степенный или игривый, бледный или румяный, встречается как спутник несколько нелепый и милый, с которым все рады вновь увидеться. Её простота часто наигранна, а глубокий смысл тем значительнее, что сопровождается старомодным деревенским обаянием, и узник современных городов вдыхает его с жадностью. Её прозаизм не исключает мечтательности, цветистость её слога, после оглушительного вихря полученных [в городах] сведений, даёт отдых и вызывает добрую улыбку, вытесняющую злую насмешку»³².

Этой весьма умеренной снисходительности противоречит писатель Клод Руа. До Второй мировой войны он был последователем Шарля Моррасса (монархиста и националиста), после неё — коммунистом, освободившись от этой идеологии после советского вторжения в Венгрию в 1956-м. Он размахивает хранящейся на его письменном столе прогрессистской саблей и бранится с симпатичной необузданностью: «Если Франция — это её пословицы, надо было бы решиться возненавидеть Францию. Французские пословицы противоречат Жанне д'Арк и Рембо, Паскалю и Наполеону, Фабрицио Дель Донго и Клоделю. Они взвешены, осмотрительны, скупы. Они отвратительны. Они мараматичны»³³.

Итальянский семиолог Умберто Эко, романист, всемирно известный автор «Имени розы», чтобы наброситься на пословицу в предисловии к «Словарю латинских и греческих сентенций» Ренцо Този⁴, предпочёл проклятию иронии. Он придумывает маленький, якобы анонимный текст, лишённый какой-либо библиографической ссылки, под названием «О новой утопии (*sic!*) или о потерянном острове, где гениальный законодатель пытался создать счастливую Республику, руководствуясь принципом, что пословицы суть мудрость народов». Утопичным в этом тексте признаётся и постулат «глас народа — глас Божий». Значительная часть текста — перечисление отрицательных аргументов и «доводов, по которым эта утопия провалилась в несколько лет». Эко шутливо заключает своё вступительное слово, выстроенное по правилам, скрытым в железной идеологии: «Дорога в ад вымощена благими намерениями, и никто не знает, что ему уготовило будущее...».

После этой ёрнической атаки, порождённой, несомненно, духом вольтерьянства, отвергающего связь диплома о высшем образовании с низкопробны-

ми форизмами, приведём ещё одно мнение ума не менее просвещённого и язвительного. Участник движения Сопротивления, деголлевец, юморист и грозный полемист, пессимист от рождения, недавно скончавшийся академик Жан Дюгур принимает противоположную сторону: «Это богатство, передаваемое по завещанию поколениями простых людей, которые жестоко сталкивались с миром и констатировали, что ничего с ним не поделаешь или очень мало что можно сделать. Это — рецепты выживания в относительном спокойствии, руководства, как избегать настолько, насколько возможно, хищности сильных мира сего, озлобленности природы, недоброжелательства соседей, как не быть слишком несчастным в семье или постоянно застигнутым врасплох. Это великий курс философии бесправных людей»³⁵.

Давайте поспорим, что из процитированных мнений, если бы с ними познакомился Александр Солженицын, только последнее могло бы вызвать его сочувствие. Ведь у него никогда не было необходимости «идти в народ», чтобы его узнать; СМЕРШ и КГБ всячески способствовали этому, а жизнь в ссылке (на Западе) не смогла ослабить его естественное родство с глубинной Россией. Совсем неслучайно, что единственная газетная публикация Солженицына в СССР, до двадцатилетнего изгнания и возвращения в Россию, имеет название «Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана»³⁶ — о деградации русского языка и его загрязнении неологизмами из *-измов* (ответный удар писателя на статью академика Виноградова³⁷). Он восстаёт против того факта, что советская «шишка» от науки, рассуждая о русском языке, не находит для иллюстрации ни единого русского стилиста, но приводит слова французского писателя Жюль Ренара. Солженицын предлагает свою собственную программу восстановления языка, в частности посредством использования «синтаксиса, совсем не европейского» русских пословиц.

На Западе, в особенности во Франции, пословица — речь простого мужика, зрелого человека, *pater familias*, мирского, хозяина, недоверчивого, скептика, прижималы, живущего сегодняшним днём, — бледнеет, постепенно исчезает вместе с исчезновением социальных положений, в которых она родилась и продолжала жить на протяжении веков. Для подавляющего большинства современной молодёжи, которую мы больше не заставляем читать наизусть Лафонтена, пословица представляет собой малопонятный текст, пришедший из глубины истории на их мобильный телефон. В таких условиях этот лапидарный жанр, хайку бедноты, имеет ли ещё будущее в нашей литературе? А в России, где глобализация, то есть прививание западного образа жизни, не пощадила и всю культуру?

Будь что будет!³⁸

Приложение

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД ПОСЛОВИЦ,
ОКАНЧИВАЮЩИХ ГЛАВЫ
«КРАСНОГО КОЛЕСА»

Август Четырнадцатого

11. Глава 6. Богатичи — что голубые кони: редко удаются.
Les enfants de riches, c'est comme les chevaux souris: pas souvent réussis.
12. Глава 21. Был рог, да сбил Бог.
Corne il y avait, Dieu l'a brisée.
13. Глава 32. Не рок головы ищет — сама голова на рок идёт.
Ce n'est pas le Destin qui cherche une tête, c'est la tête qui va au — devant du Destin.
14. Глава 36. И не рад хрен тёрке, да по ней боками пляшет.
Le raifort n'aime pas la râpe, mais il s'y frotte quand même.
15. Глава 42. Коротка разгадка, да семь вёрст правды в ней.
Le mot de l'énigme est bref, mais il contient sept verstes de vérité.
16. Глава 46. Царь и народ – всё в землю пойдёт.
Peuple ou tsar, tout va en terre.
17. Глава 57. Огня под полой не унесёшь.
Pas moyen de cacher le feu sous son manteau.
18. Глава 67. И молебны петы, да пользы нету.
On a beaucoup prié, mais ça n'a rien changé.
19. Глава 75. Не искал бы в селе, а искал бы в себе.
Pas besoin de battre le bois, cherche plutôt en toi.
10. Глава 80. Молитвой квашни не замесишь.
Ce n'est pas la prière qui fait lever la pâte.
11. Глава 82. Не нами неправда сталась, не нами и кончится.
L'iniquité n'a pas commencé par nous, ce n'est pas nous qui y mettrons fin.

Октябрь Шестнадцатого

12. Глава 2. Сжился с бедою, как со своей головою.
Habitué au malheur comme aux battements de son cœur.
13. Глава 7. Ты Ваше'Ц, я Ваше'Ц — а кто ж хлебопашец?
Seigneur je suis, Seigneur tu es, mais qui donc est laboureur?
14. Глава 12. Замирился бы с туркой, так царь не велит.
On s'accommoderait bien avec eux autres, mais le Tsar ne l'veut point.
15. Глава 20. Беги-беги, да не зашиби ноги.
Cours vite au but, mais gare à la chute.

16. Глава 24. И дальняя сосна своему бору веет.
Même transplanté, le pin murmure vers sa pinède.
17. Глава 36. Как любовь да совет, так и нуждочки нет.
Amour et bons avis comblent tous les besoins.
18. Глава 37. Вы люди речисты, вам все пути чисты. А мы люди безсловесны,
нам все проходы тесны.
Pour l'homme de discours, tous les chemins sont courts. Mais nous qui n'avons
pas ses dons, nous les trouvons bien longs.
19. Глава 42. Эх, и чёрт тебя понёс, не подмазавши колёс!
Hé, le Diable t'emmène et les roues sont pas graissées!
20. Глава 44. По мне хоть пёс, лишь бы яйца нёс.
Fût-ce un chien, s'il me veut du bien.
21. Глава 54. Ладил мужик в Ладогу, а попал в Тихвин.
Qui croyait aller à Ladoga s'est retrouvé a Tikhvine.
22. Глава 59. Не всяку правду жене сказывай.
Toute vérité n'est pas bonne à dire à sa femme.

Март Семнадцатого

23. Глава 67. Два горя вместе, третье пополам.
Deux malheurs vécus ensemble, le troisième partagé.
24. Глава 95. Бившись с козой — неудой.
On ne trait pas une bique qui a reçu la trique.
25. Глава 120. Ты мне дай только лапку на воз положить, а вся-то я и сама вско-
чу.
Laisse-moi mettre la patte dans la chaurrette, j'y serai bientôt tout entier.
26. Глава 153. Терпит квашня долго, а через край пойдёт — не уймёшь.
Le levain met du temps, mais quand il part, va-t-en l'arrêter.
27. Глава 164. Ни куса, ни крова холопу. Одна заклёпа.
Pas de pain, pas de toit pour le serf. Partout des fers.
28. Глава 169. Отвяжись, худая жись, привяжись, хоро-о-шая!
La galère est finie, en avant, la belle vie!
29. Глава 237. Что и сварили — в печи застудили.
Mis à cuire, laissé refroidir.
30. Глава 250. Пошла брага через край — так не сговоришь.
Quand la braga déborde, va-t-en donc la faire revenir.
31. Гл. 261. Москва замуж идёт! — Питер женится!
Moscou est épousée et Piter prend femme!
32. Глава 283. По-шла стряпня, ру-ка-ва стряхня.
Quand tu fais ta bouffe, tes manches tu retrousses.
33. Глава 296. Борода Минина, а совесть глиняна.
Barbe héroïque, conscience élastique.

34. Глава 304. Всякому вору — много простору.
L'occasion fait le larron.
35. Глава 325. Прокатися, грош, ребром, покажись рублём!
Roule, petit sou, roule, et tu deviendras rouble.
36. Глава 353. Царь и народ — всё в землю пойдёт.
Tsar et peuple, tout retournera en poussière.
37. Глава 404. Чужой дурак — посмешище, свой дурак — несчастье.
L'idiot des autres on en rit, l'idiot chez soi, on en pâtit.
38. Глава 425. За царское согрешение Бог всю землю казнит.
Si le Tsar a péché, c'est la terre entière que Dieu punit.
39. Глава 432. — Акуля, что шьёшь не оттуля?
— А я, мачка, ещё пороть буду.
— Akoulia, tu couds a l'envers?
— T'inquiète pas, j'ai le temps de redéfaire.
40. Глава 441. Принялись гулять — так не дни считать.
Quand on fait les fous, on compte plus les jours.
41. Глава 454. Красному утру не верь.
Ne te fie pas aux matins clairs.
42. Глава 472. Заруби деревом на железе!
Poinzon de bois sur plaque de fer!
43. Глава 488. Суетлив воробей, а пива не сварит.
Le moineau brasse l'air, mais ne fabrique pas de bière.
44. Глава 503. Была бы изба нова, а сверчки будут.
Que l'isba soit neuve, les grillons viendront.
45. Глава 508. Куда ни глянь — всё дрянь.
Où qu'on regarde, ça se dégrade.
46. Глава 535. А ты проверь — пройдёт ли в дверь?
Avant qu'ça casse, vérifie si ça passe?
47. Глава 546. Супротив печатного не соврешь.
On ne peut rien contre la chose imprimée.
48. Глава 558. Доит шибко, да молоко жидко.
Drôlement bien trait, mais peu de lait.
49. Глава 582. Красно солнышко всходит — каково-то взойдёт?
Beau soleil levant — que sera le soleil levé?
50. Глава 592. Кабы басни хлебать — все бы сыты были.
À manger des fables personne n'aurait faim.
51. Глава 629. Крой да песни пой — шить станешь, наплачешься.
Coupe en chantant, quand tu coudras, tu pleureras.
52. Глава 638. Подумаешь умом — головушка кругом.
Réfléchis — tu auras le tournis.

Апрель Семнадцатого

53. Глава 9. Пришёл сбоку, а берёт в строку.
Il arrive au débotté et vous prend par le collet.
54. Глава 28. Спohватишься, как с горы скатишься.
Lorsque tu comprendras, le sol te manquera.
55. Глава 34. Родись в чистом поле, а умираешь в тёмном лесе.
Nous naissons dans la plaine sans mesure, nous mourrons dans la forêt obscure.
56. Глава 35. Тем добро, что всем равно.
La merveille c'est que c'est pour tout le monde pareil.
57. Глава 40. Не над мерою плачут — над пригоршней.
On ne pleure pas sur la mesure entière, on pleure sur une poignée.
58. Глава 67. Хороша у курицы ходá, да переломлена нога.
La poule est bonne couveuse, mais elle a une patte foireuse.
59. Глава 79. Одной рукой узла не завяжешь.
On ne fait pas un nœud avec une seule main.
60. Глава 86. Пошло врозь да вкось, хоть брось.
За dérape et ça s'défait. À quoi sert de s'obstiner.
61. Глава 90. На колесе сидишь — под колесо гляди.
T'es assis sur la roue — regarde par-dessous.
62. Глава 98. Война до победы — грабёж до конца!
La guerre jusqu' à la victoire — le pillage jusqu'au bout!
63. Глава 105. Рад бы заплакать, да смех одолел.
J'en aurais bien pleuré si ce n'était si drôle.
64. Глава 116. Славили, хвалили — да под гору и свалили.
Ils l'on hissé jusqu'au sommet, puis l'ont déboulonné.
65. Глава 128. Сам рыбак в мережу попал.
C'est le pêcheur qui est pris dans ses filets.
66. Глава 130. Свиную щетинку не в кудри вить.
On ne fait pas de boucles avec les soies du cochon.
67. Глава 135. И ещё бы воевал, да воевало потерял.
Me battre, j'aurais bien continué, mais je suis à plat.
68. Глава 137. Брехать — не пахать, не цепом мотать.
Plus facile de jacasser que labourer ou battre le blé.
69. Глава 152. И рада б курочка на пир не шла — да за хохол тащат.
La poule aurait préféré ne pas aller au festin, mais on l'y traîne par la crête.
70. Глава 167. Чужим добром — подноси ведром!
Les biens des autres — prends-en un plein seau!
71. Глава 169. Слова серебряны, посулы золотые, а впереди Божья воля.
Les paroles sont d'argent, les promesses d'or, mais ce qui nous attend, c'est la volonté de Dieu.

72. Глава 172. Наша Марина вашей Катерине двоюродная Прасковья.
Notre Maria est la cousine Praskovia de votre Katérina a vous.
73. Глава 176. Где чёрт ни молот, а с мукой к нам во двор.
Qu'importe où le diable a moulu son grain, s'il vient chez nous avec de la farine.
74. Глава 178. Играй, дудка, пляши, дурень!
Quand on joue de la flûte, il y a toujours un idiot pour se mettre à danser!

Примечания

¹ Перевод с фр. Г. Тюриной; научный редактор перевода А. Кокотов.

² Выдающийся французский семиотик родился в 1917 г. в Туле.

³ Первое и третье определения пословицы даны в переводе А. Шмелёва. — *Примеч. перев.*

⁴ Перев. И. Микаэлян. — *Примеч. перев.*

⁵ Цитаты из иностранных авторов приводятся здесь и далее по опубликованным и вошедшим в круг отечественного чтения русским переводам. — *Примеч. перев.*

⁶ См. стенограмму встречи А.И. Солженицына с французскими переводчиками в Париже 11 апреля 1975 // *Durand C. Agent de Soljénitsyne. Paris: Fayard, 2011. Pp. 197–198.*

⁷ «Нет больше счастья, чем жить в своё удовольствие» — рефрен другой баллады того же автора, хотя, если говорить о нём самом, большую часть жизни он провёл в нищете и страхе перед будущей смертью, глядя на тела повешенных на виселицах Монфокона, с глазами, исклёванными воронами. (Ни в одном из опубликованных русских поэтических переводов «Баллады (о) повешенных» Вийона нет буквального перевода приведённой Клодом Дюраном строки: «plus becquetés que dés a coudre». — *Примеч. перев.*)

⁸ Перев. М. Кожевникова. — *Примеч. перев.*

⁹ Перев. М. Тумповской. — *Примеч. перев.*

¹⁰ Сайнета — испанская одноактная пьеса.

¹¹ См., напр., франц. еженедельник «Le Canard enchaoné» («Утка в цепях») или ежедневный «Либерасьон».

¹² Французский профессор Родольф Бодэн возводил использование поговорок в этом произведении к эпиграммам Марциала.

¹³ М. Чулков известен по преимуществу своими сборниками песен и народных сказок, а также «Словарём русских суеверий» (1786).

¹⁴ Не могу удержаться от сравнения с пословицей, на мой взгляд, одной из самых красивых, что мне известны, происхождения которой я забыл: «Когда топор начинает гулять по лесу, деревья говорят: гляди-ка, ручка-то из наших».

¹⁵ См.: *Proverbs in Russian literature from Catherine the Great to Alexander Solzhentisyn / Kevin McKenna. Burlington (Vermont): University of Vermont, 1998.*

¹⁶ См.: *Revue des Études slaves, 2005.* Мы использовали много наблюдений из этой столь важной работы.

¹⁷ *Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 128–129, 131.*

¹⁸ В американском издательстве «Farrar Strauss & Giroux» были опубликованы английские переводы обеих редакций. Перечень пословиц в «Августе Четырнадцатого» см. в приложении.

¹⁹ См. в этой связи сценарий «Знают истину танки».

²⁰ Alexandre Soljénitsyne, le courage d'écrire, éditions des Syrtes, 2011.

²¹ Здесь и ниже фрагменты стенограммы этой встречи А. Солженицына, опубликованной лишь во французском переводе, даются в нашем переводе. — *Примеч. перев.*

²² Цит. по: Durand C. Op. cit. P. 199.

²³ Цит. по: Ibid. P. 201.

²⁴ Речь идёт о первом английском переводе рассказа: «One Day in the Life of Ivan Denisovich» / Tr. R. Parker. L., 1963.

²⁵ Цит. по: Durand C. Op. cit. P. 213.

²⁶ Фрагменты неопубликованного текста «Дневника Р-17» приводятся по рукописи писателя (см.: Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

²⁷ Письмо к автору от 22 июня 2011 года (см.: Архив Клода Дюрана).

²⁸ Номера пословиц из текста «Красного Колеса», приведённых в приложении. — *Примеч. перев.*

²⁹ В то время как первые Узлы, «Август...» и «Октябрь...», содержат порядка 80 глав каждый, четыре тома «Марта...» насчитывают более 600 глав, то есть даже не вдвое, а в несколько раз больше. В этой связи (значительное увеличение планов и точек обзора за счёт ускорения времени и уже упомянутых стереографических приёмов) Жоржа Нива говорит об унанимизме, привлекая французский пример Жюлья Ромэна.

³⁰ См.: Psychologie des peuples. 3e trimestre 1970. Université de Rouen.

³¹ Lobatchev B. L'Autrement dit, préface d'Efin Etkind. Paris: L'Harmattan, 1995.

³² Предисловие к Словарю пословиц и поговорок // Le Robert. Paris: 1989.

³³ Ibid. Note 1. P. XIV.

³⁴ Ит. изд.: Rizzoli. Milan, 1991; фр. перев.: Grenoble: Éditions Jérôme Million, 2010.

³⁵ Предисловие к «Словарю пословиц и поговорок» Жана Ива Дурнона // Dournon J.-Y. Dictionnaire des Proverbes et Dictons de France. Le Livre de poche, 1986. Заканчивая этот пассаж, Дютур делает вывод, что «Лафонтен, поэт пословицы, никогда не принадлежал к “левым”». Это высказывание представляется весьма опрометчивым, ведь известно, какую роль в третьей четверти XVII века баснописец играл в воспитании учеников школы республиканцев.

³⁶ См.: Литературная газета. 1965. 4 ноября. — *Примеч. перев.*

³⁷ «Заметки о стилистике» акад. В.В. Виноградова были напечатаны в «Литературной газете» месяцем раньше, 9 октября 1965 г. — *Примеч. перев.*

³⁸ Клод Дюран заканчивает свой текст фрагментом популярной французской поговорки: «Делай, что ты должен делать, и будь что будет» («Fais ce que dois, advienne que pourra»).